

18+

Диана Пыжикова

Тайный оркестр: Последняя настройка (Париж)

Диана Пыжикова

**Тайный оркестр: Последняя
настройка (Париж)**

«Издательские решения»

Пыжикова Д.

Тайный оркестр: Последняя настройка (Париж) / Д. Пыжикова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696979-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Париж, 1892 год. Гранд-Опера становится
акустической ловушкой. Лина собирает выживших героев, чтобы бросить
вызов Маэстро. Золотая арфа гудит в такт медным венам в стенах театра —
резонаторам Моретти. Враг не боится их музыки, он её очищает. Оркестр
готов, но этот аккорд может стать для всех последним.

ISBN 978-5-00-696979-7

© Пыжикова Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Лондонский долг	6
Глава 2. Письмо из Лондона	8
Глава 3. Резонанс пустых лож	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Тайный оркестр: Последняя настройка (Париж)

Диана Пыжикова

© Диана Пыжикова, 2026

ISBN 978-5-0069-6979-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Лондонский долг

Лондонская грязь и туман за окнами Ньюгейта казались декорациями к затянувшемуся кошмару. В каменном мешке одиночки стояла тишина, но для Винченцо Моретти она была наполнена диссонирующим хором: он слышал тяжелые, неритмичные удары капель о жестяное ведро в соседнем блоке; слышал скрежет когтей крысы за кладкой – её бег напоминал безумное стаккато.

Моретти не метался. Он сидел на узкой железной койке, выпрямив спину. Его длинные пальцы едва заметно перебирали воздух – он дирижировал хаосом, превращая лязг цепей и хриплое дыхание часовых в упорядоченную, зловещую фугу.

Тяжелый засов лязгнул. Звук был «неправильным» – слишком мягким, подозрительно беззвучным, словно металл предварительно вымочили в масле. В камеру, принеся с собой запах тумана и дорогого табака, вошел человек в глубоком капюшоне.

– Вы опоздали на три такта, лорд Уоррингтон, – произнес Моретти, не открывая глаз. Его голос, лишенный обертонов, разрезал тишину, как скальпель. – Ритм вашего дыхания сбился, сердце частит в синкопе. Паника, Генри, портит общую композицию.

Лорд Генри Уоррингтон, чье имя шепотом произносили в клубах Уайтхолла, откинул капюшон. Свет газового рожка выхватил его лицо – серое, иссушенное виной и тем самым тайным восторгом, который испытывает жертва перед палачом.

– Мой сын... Николас... – голос лорда сорвался. – Он сбежал с этой девчонкой, с Линой. Вы обещали сделать его голос совершенным, Маэстро! А теперь мой единственный наследник кашляет кровью в дешевых мезонинах Европы. Он прячется как вор, а не поет как ангел!

Моретти медленно открыл глаза. За толстыми линзами очков, которые он не снимал даже во сне, блеснуло холодное пламя. В этом взгляде не было сочувствия – только любопытство вивисектора, изучающего свежий надрез.

– Совершенство требует жертв, Генри. Вы же не ждали, что божественный резонанс поместится в человеческую грудную клетку, не оставив трещин? Ваш сын – лишь переходный аккорд к чему-то большему. Но если вы хотите, чтобы инструмент не разбился окончательно, вам нужно выпустить того, кто умеет его настраивать. Выпустить дирижера.

Уоррингтон судорожно сжал сверток, обернутый в тяжелый черный шелк. Внутри угадывались контуры очков с гранеными линзами и стального камертона. Эти вещи, конфискованные при аресте, теперь жгли лорду руки. Вместе с ними он протянул тяжелый медный ключ.

– Карета с гербом министерства у южных ворот. Стража... – лорд сглотнул, оглядываясь на замершего в коридоре часового, чьи глаза стали пустыми и стеклянными. – Они получили свою дозу частотного подавления через вентиляцию, как вы и просили. Инфразвук вызвал апатию. Они не вспомнят, что вы здесь были.

– Разумно. Вы делаете успехи, Генри.

Моретти встал, не спеша расправляя манжеты арестантской робы, словно это был шелковый фрак.

– Но признайтесь: вы боитесь не за Николаса. Вы боитесь, что без моих уроков, без этой вибрации, разгоняющей вашу кровь, жизнь превратится в тусклое дребезжание обывателя.

Лорд Уоррингтон отшатнулся к стене, когда Моретти взял его за руку. Пальцы Маэстро были ледяными, но в месте касания кожа лорда начала мелко, судорожно вибрировать, вызывая тошнотворный восторг.

– Помните, Генри: вы не спасаете меня. Вы даете Парижу шанс услышать истину. А ваш сын... я найду его. Он – ключевая нота в моей симфонии, которую мы закончим в Риме.

Через десять минут карета без опознавательных знаков растворилась в лондонском тумане. Лорд Уоррингтон остался стоять у ворот тюрьмы. В его голове, заполняя пустоту ночи,

нарастал тонкий, едва уловимый серебристый звон – первый признак того, что Маэстро на свободе и его дирижерская палочка уже занесена над миром.

Глава 2. Письмо из Лондона

Парижский полдень в октябре 1892 года не приносил тепла. Солнце, пробиваясь сквозь свинцовую дымку, отражалось в медных сочленениях строящейся Эйфелевой башни, превращая её в гигантский, безмолвный скелет. Город гудел – ритмичный стук молотов по стали доносился с Марсового поля, вплетаясь в тяжелый рокот проезжающих омнибусов. Для Николаса Уоррингтона этот шум был пыткой: каждая забитая заклепка отдавалась резким, резонирующим ударом в основании черепа.

Ник сидел в небольшом кафе на Монмартре, забившись в самый темный угол, подальше от слепящего лоска бульваров. На столе дымился черный кофе, к которому он так и не прикоснулся. Его руки в безупречных лайковых перчатках судорожно сжимали конверт из плотной бумаги. Гербовая печать – лев, сжимающий лиру – смотрела на него с немым, надменным упреком.

– Ты выглядишь так, будто держишь собственное свидетельство о смерти, Ник, – раздался резкий голос, пропитанный гарью и сарказмом.

Юлиан Грей опустил на стул напротив, не дожидаясь приглашения. От него пахло машинным маслом и медью. Он выхватил конверт из пальцев Ника прежде, чем тот успел среагировать.

– Отдай, Юлиан! Это личное, – Ник рванулся вперед, но резкое движение мгновенно отозвалось в легких.

Кашель согнул его пополам, разрывая грудную клетку изнутри. Он судорожно прижал батистовый платок к губам. Когда он отнял его, Юлиан увидел на белоснежной ткани свежее, ярко-алое пятно, растекающееся в форме причудливой, уродливой ноты. Ник смотрел на неё с застывшим ужасом – словно сама смерть начала записывать свою партитуру на его платке.

Юлиан помрачнел. Он не стал вскрывать конверт, а лишь поднес его к лицу, приносясь, как гончая, взявшая след.

– Дорогой парфюм и... металлический привкус. Твой отец всегда отличался изысканным вкусом, даже когда продавал нас дьяволу. Почерк лорда Уоррингтона узнаешь из тысячи – за каждой аристократической завитушкой тянется вонь Ньюгейта.

Ник выхватил письмо. Его глаза лихорадочно бегали по строчкам, написанным каллиграфическим, пугающе спокойным почерком. Каждое слово впивалось в него, как смычок в перетянутую, готовую лопнуть струну.

«Мой дорогой Николас... В искусстве нет места малодушию. Я сделал то, что должен был, чтобы вернуть миру голос, способный звучать в вечности. Маэстро на свободе. Не беги от него, сын мой. В Риме ты поймешь, что боль – это лишь настройка. Прими это как дар от отца, который желает тебе бессмертия...».

Ник выронил лист. Бумага медленно, словно нехотя, опустилась в лужицу пролитого кофе, мгновенно впитывая темную, горькую влагу. Буквы поплыли, превращаясь в грязные клексы, стирая остатки сыновней любви.

– Он... он выпустил его, – прошептал Ник. Его голос, прежде чистый и звонкий, как серебряный колокольчик, теперь звучал как треснувшее стекло, которое вот-вот рассыплется в пыль. – Мой отец открыл дверь камеры в Ньюгейте. Своими руками. Он обменял мою жизнь на партитуру.

Юлиан выругался сквозь зубы – грязно и многосложно. Он вскочил, едва не опрокинув хлипкий столик, и грохот ножек по мостовой прозвучал как выстрел.

– Твой «золотой папочка» решил, что твоя жизнь стоит меньше, чем новая ария Моретти! Ты понимаешь, что это значит, Ник? Он не просто сбежал. Он уже в пути. И он идет за тобой. Ты для него – не сын лорда и даже не человек. Ты недописанная нота в его черновике, которую он намерен вытянуть до конца – до последнего хрипа.

Ник поднял голову. В его глазах, затуманенных ужасом, на мгновение вспыхнуло нечто иное – холодная, чистая ярость, острая, как лезвие скальпеля.

– Я не буду его нотой, – Ник медленно встал, вытирая губы испачканным багровым платком. – Лина должна узнать. Если Моретти в Париже, воздух здесь скоро станет ядом. Нам нужно настроить Арфу раньше, чем он настроит нас.

Глава 3. Резонанс пустых лож

Париж в октябре 1892 года напоминал больного в стадии лихорадочного оживления. Город задыхался от собственного величия, зажатый между ароматом дорогих духов и едкой угольной гарью. Электричество, этот новый капризный бог, уже вонзило когти в фасады бульваров: первые дуговые лампы шипели и трещали, отбрасывая на мокрый асфальт неестественно белые, дерганные тени, в которых люди казались лишь робкими набросками.

На Марсовом поле, словно гигантский стальной шип, впивался в свинцовое небо скелет башни Эйфеля. Город гудел от ударов заклепочных молотов – этот металлический ритм просачивался сквозь стены домов, впитывался в подушки и заставлял ложечки в кофейных чашках мелко, надрывно дрожать. Для обычного парижанина это был шум прогресса; для тех, кто прошел через руки Моретти, это был предсмертный хрип старого мира.

Гранд-Опера возвышалась над этим хаосом, как колоссальный золоченый утес. Но даже её массивные стены не могли сдержать вибрацию. Медные детали газовых фонарей у входа едва слышно звенели в унисон с грохотом проезжающих по брусчатке омнибусов. Париж превращался в гигантский резонатор, где каждая улица была струной, а каждое здание – декой. И все они ждали только одного – момента, когда кто-то прикоснется к дирижерской палочке.

Внутри Гранд-Опера золото залов казалось фальшивым, словно застывшее эхо эпохи, которая отказывалась умирать красиво. Тяжелые бархатные занавесы пахли пылью веков и нафталином, подавляя звуки внешнего мира. Но внутри театра царила мертвая, вакуумная тишина, которую Каролина научилась ненавидеть еще в Лондоне. В такой тишине звук не живет; он затаивается, как хищник перед прыжком.

Она стояла в самом центре пустой сцены, освещенная единственным газовым рожком, который свистел, жадно сжигая остатки кислорода. Перед ней возвышалась **Арфа**. Это не был изящный инструмент для салонных девиц. Массивный остов из темного полированного дерева казался скелетом допотопного существа, чьи ребра – сорок семь натянутых жил – удерживали внутри себя чудовищное напряжение. Суммарное давление струн на раму достигало тонны; арфа не просто стояла, она сопротивлялась пространству. Инструмент ангелов, который в руках Лины превращался в расчетливое оружие.

– Слишком много пыли в воздухе, – раздался тихий, сухой голос из глубины партера, где тьма была особенно плотной. – Дерево капризничает, Каролина. Ты слышишь, как дека стонет под таким натяжением? Она не поет, она молит о пощаде.

Из тени первого ряда, почти бесшумно, вышел Марко Альбрицци. Его руки, навсегда впитавшие запах венецианского лака и терпкой канифоли, привычно потянулись к раме. Марко не смотрел на Лину – его взгляд был прикован к изгибу деки. Его «абсолютный тактильный слух» улавливал микротрещины в древесине так же ясно, как обычный человек чувствует пульс на запястье. Он коснулся дерева, и Лина увидела, как его пальцы едва заметно дрогнули, считывая невидимую, затаенную боль инструмента.

– Оно выдержит, Марко, – Лина решительно коснулась струны фа-бемоль.

Низкий, густой звук поплыл под своды, вибрируя в пустоте лож и заставляя хрустальные подвески на люстрах испуганно, едва слышно вздрогнуть. Вибрация прошла сквозь тонкие подошвы туфель Лины, отдаваясь в коленях холодным током.

– У нас нет времени на деликатность. Они уже здесь. Все.

– Все? – переспросил Марко, оборачиваясь к темному зеву зрительного зала, где пустые кресла казались рядами безмолвных, мертвых слушателей. – Ты собрала этих призраков в одном месте? Это не оркестр, Лина. Это пороховой погреб. Стоит одному из них сфальшивить – и нас разнесет по всему Парижу.

Словно в подтверждение его слов, тяжелая дубовая дверь в конце зала распахнулась с коротким, резким скрипом. Звук был настолько чистым, сухим и неприятным, что Лина невольно вцепилась в ледяную колонну арфы.

На пороге, в ореоле света из коридора, возник силуэт. Он принес с собой запах неевского льда и старой бумаги. Марк Карзин стоял неподвижно, прижимая к груди черный футляр так, словно в нем была заключена его собственная, навеки замороженная душа.

– В этом городе слишком много шума, – произнес **Карзин**, не глядя на присутствующих. Его голос был сухим, как треск старой канифоли под перетянутым смычком. Он медленно шел по центральному проходу, и казалось, иней невыхских подворотен тянется за ним по бархатному ковру невидимым, ледяным шлейфом. – Башни из стали, поезда под землей... Париж вывернут наизнанку железными кишками. Музыка здесь умирает, не успев родиться. Она задыхается в парах бензина и грохоте поршней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.